

Человек с принципами

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Появилось некое поле, где я могу как автор говорить, что я думаю о происходящем вокруг. Как в любой аналитической программе, там есть зоны авторской точки зрения. Как я ее формулирую, услышал Венедиктов и предложил мне писать реплики для «Эха». Как всегда в стиле «Эха», они не рецензируются и абсолютно свободны. Ситуация вокруг дает повод выразить свою точку зрения. Вот почему я взялся за это дело.

– «Эхо Москвы» всегда на пике событий, что ни произойди – мгновенный квалифицированный комментарий, что ни день – в прямом эфире лучшие люди страны. И делает «Эхо» талантливейшая команда профессионалов. Однако я уже не от одного коллеги слышала: «К ним не попасть. По-сылаешь резюме – ни ответа, ни привета. Не зовут».

– А сюда не зовут, сюда приходят сами. И начинают здесь все одинаково – инфореферентами. Не хочу обидеть людей, закончивших профильные учебные заведения, но... Журналистика складывается из ремесла и из твоей личности. Журналист без осознания своего отношения к миру есть просто под-

ставка для микрофона или ручка для блокнота. У нас люди начинают с низов, и долго – долго-долго идут по ступенькам вверх, при этом никто никого не снимает с работы. Венедиктов, когда приходишь к нему с какой-то идеей, часто говорит фразу, которая кажется абсурдной: «Вместо кого?» Только когда кто-то уходит со станции, другой получает место у микрофона. Нас одновременно слушают только в Москве больше шестисот тысяч человек – ответственность огромная. Я вижу работу коллег, их фанатичное и, самое главное, очень правильное, гражданское отношение к своей работе, абсолютно не ангажированное. На «Эхе» работают очень талантливые люди и – очень нравственные. Это самое главное.

– Ты доволен своим новым телевизионным ток-шоу на ТВЦ «Народ хочет знать»?

– Нет, конечно.

– Почему?

– Потому что мы ее пишем 120 минут, а в эфире она идет 40. За 40 минут народ ничего не успевает спросить, а власть ничего не успевает ответить.

– А откуда взялся «Народ...»? Это твоя идея, ты писал заявку?

– Нет, меня пригласили на ведение вместе с известным поэтом Андреем Дементьевым, я согласился. Мне интересно поучаствовать в социальном проекте. Хотелось бы максимально сблизить народ и власть: не по целям-средствам, а сделать власть подотчетной. Это одна из главных проблем всей нашей сегодняшней жизни: мы выбираем людей, по-

Тщеславие – вещь хорошая, оно движет амбициозными личностями

сле чего они плюют на нас и о нас забывают. Наша передача – это попытка хотя бы на 40 минут сделать возможным спрос с высокопоставленного чиновника и понять, что он делает на этой земле. **– На мой взгляд, телевидение стало наиболее энергетически насыщенным местом, там работают яркие люди. Что ты думаешь по этому поводу?** – Телевидение, как в предвыборный период было принято говорить, наиболее электорально. Миллионы людей именно в этот

момент смотрят на тебя. Это придает необычайный кураж, это придает необычайную... надо точные слова найти... концентрацию твоим усилиям. То, что ты иногда делаешь в эфире, – ты бы в жизни никогда не сделал, не смог бы. С другой стороны, а кому там работать? Время пустышек на телевидении закончилось, туда идут умные, яркие

личности. Люди идут на телевидение, потому что они тщеславны. Тщеславие – вещь хорошая, оно движет амбициозными личностями, которые хотят реализовать себя. За последние три-четыре года телевидение кардинальным образом изменилось. Оно стало более жестким, более ресурсоемким. Передачи стали пышнее, крикливее, ярче, но и – глубже и содержательней. **– Телевидение – не зло?** – Если в эфире злой человек – то зло, если добрый...

– Нет, по определению. По большому счету. Как четвертая власть.

– Телевидение – это не четвертая власть. Да никакая это не власть! Телевидение – это средство доставки сигналов. Если руководитель телеканала решил лечь под добрую власть – тогда это доброе телевидение, под злую – тогда это злое телевидение. Когда нас с телеэкрана убеждали, что Примаков – исчадие ада, это было злое телевидение. Появился канал «Культура» – вроде та же система цветности, секам, правда? Просто там люди стали заниматься другим. Значит, вопрос не в телевидении как понятии. Оно разное, телевидение. Все зависит от того, кто руководит каналом, насколько этот человек политически независим, насколько он культурен, какие художественные критерии в нем живут, какому богу он молится.

– Ну, канал «Культура» – уникальное явление и отдельный разговор. Я про другое: нет благородных, благотворных передач, чтобы – и жизнестроительство, и просветительский пафос... Образно выражаясь, никто не выращивает цветы. Одну только знаю такую передачу – «Умники и умницы» по Первому каналу.

– Я не понимаю подобного подхода. Это очень все субъективно. Я считаю, что есть благородные новости, благородные публицистические передачи. Другое дело, если ты не с Богом – ты с дьяволом. Проблема всех СМИ – людей вынуждают быть не с Богом, но они думают, что они не с дьяволом, а где-то посередине. Такого не бывает, середины нет. Есть гуманные позиции, и есть – антигуманные. Желание рейтинга во что бы то ни стало лишает телевидение человечности. Поскольку наша страна и мы все живем по понятиям, в российском человеке удивительно гармонично соединились крики, что его любимый поэт – Пушкин, писатель Толстой и... и при этом самый высокий рейтинг у передачи «Окна». Такой у нас зритель, для такого зрителя работает наше телевидение. И пусть будет передача, где едят гусениц, – такое телевидение тоже должно быть, потому что люди разные и разного хотят. Советский менталитет, который мы из себя никак не вытравим: мы желаем, чтобы все телевидение было «наше». Но у нас уже 16 каналов в Москве, значит, кто-то будет смотреть передачу, где едят гусениц, кто-то – «Окна», а кто-то – канал «Культура», и это нор-

мально. Мы должны привыкнуть к тому, что мы разные, у нас разные потребности, нас такими разными мама родила.

– Какие из последних событий произвели на тебя наибольшее впечатление?

– В России важно видеть не события, а тенденцию. Мы, «Эхо Москвы», работаем 13 лет, и 13 лет мы боролись с нашими слушателями, мы хотели научить их только одному – умению мыслить самостоятельно. Но не тут-то было. Перед выборами они звонили и говорили: мы ловим каждое ваше слово, скажите – за кого голосовать. Я не считаю эти годы потраченными зря, хотя я огорчен теми процессами, которые происходят в стране. Сначала президентом стал человек, который не имел никакой политической истории, потом этот человек никто не знал, и население страны исправно, по-ленински, проголосовало за эту партию. Власть приказала не любить коммунистов – и народ исправно стал не любить коммунистов. Дело даже не в президенте, а дело в том, что за эти годы в стране появилось что угодно, но не появилось самого главного, чего мне бы лично хотелось и что я считаю главным признаком демократии в стране,

– устойчивых независимых демократических институтов, гражданского общества. Все так же мы продолжаем зависеть от доброго или злого царя. Хорошо, что Путин – просвещенный монарх (правда, много дискуссий по поводу его просвещенности). К великому сожалению, дело-то не во власти, власть-то и должна быть авторитарна, жестка и грести под себя. Важно, насколько власть и народ понимают необходимость существования как политической оппозиции, так и независимых гражданских институтов. К сожалению, только один подобный институт у нас появился, ценный многоценный жертв и крови, – это Союз солдатских матерей. Остальные – просто слулись. Россия не стала устойчивой к авторитаризму. Была надежда на бизнес, но и бизнес очень быстро «построили». Для меня это невероятно огорчительно. Известный писатель Александр Зиновьев в одной своей работе написал: «Россия будет вечно колебаться между постсталинизмом и псевдодемократией». Я думаю, что он очень точно понимает Россию.

– И что же делать?

– Видимо, поступать по известной формуле: делай свое дело, и будь что будет.